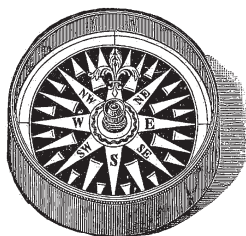

СОДЕРЖАНИЕ

МОЯ ЖИЗНЬ

Перевод с норвежского М. А. Дьяконова

<i>Глава I. Ранние воспоминания</i>	7
<i>Глава II. В плавучие льды Южного Ледовитого океана</i>	17
<i>Глава III. Открытие Северо-западного прохода</i>	29
<i>Глава IV. Южный полюс</i>	44
<i>Глава V. Во власти дрейфующих льдов</i>	52
<i>Глава VI. Финансовые затруднения</i>	67
<i>Глава VII. Полет с Линкольном Элсвортом</i>	78
<i>Глава VIII. Трансполярный перелет на «Норвегии»</i>	84
<i>Глава IX. О Стефансоне и других</i>	134
<i>Глава X. Трудности полярных экспедиций</i>	142
<i>Глава XI. Трудности подбора снаряжения и продовольствия</i>	148

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Перевод с норвежского Л. Л. Жданова

План и снаряжение	163
На юг	191
На барьере	229
Зима	274
К полюсу	342
На север	429

Глава I

РАННИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Как случилось, что я стал полярным исследователем? Случайного в этом ничего нет, так как с пятнадцатилетнего возраста все мои стремления сосредоточились на единой цели. Все, чего я достиг в качестве полярного исследователя, является результатом обдуманной, добросовестной, тщательной подготовки всей моей жизни.

Я родился в Борге близ Сарпсборга*. Когда мне было три месяца, мои родители переехали в Осло, где я получил воспитание и образование. Я проделал обычный порядок учения без особых событий и затруднений. Отец мой умер, когда мне было четырнадцать лет, и мои старшие братья покинули родной дом, чтобы собственными силами искать себе пропитания. Таким образом, я остался один с матерью и, повинувшись ее желанию, посвятил себя изучению медицины. Ее честолюбивым надеждам, которых я сам никогда не разделял, не было суждено осуществиться. Когда мне было пятнадцать лет, в мои руки случайно попали книги английского полярного исследователя Джона Франклина**, которые я проглотил с жгучим интересом. Эти книги оказали решительное влияние на избранный мною впоследствии жизненный путь. Из отважных великобританцев, которые в течение четырех столетий тщетно пытались овладеть Северо-Западным проходом***, никого не было храбрее сэра Джона Франклина. Описание возвращения одной из его экспедиций захватило меня, как ничто из читанного раньше. Франклин рассказывает, как ему с несколькими товарищами пришлось более трех недель бороться со льдами и бурями, причем их единственное питание состояло из нескольких костей, найденных в покинутой индейской стоянке, и в конце концов,

* Сарпсборг — небольшой провинциальный город в нескольких милях к югу от столицы Норвегии Осло.

** Джон Франклин — английский полярный исследователь, родился 16 апреля 1786 года. Предпринял несколько экспедиций в Арктику. Последняя его экспедиция, имевшая целью открытие Северо-Западного прохода отправилась из Англии на кораблях «Эребус» и «Террор» 1845 году. Не достигнув своей цели, она окончилась трагической гибелью всех ее участников, в том числе и начальника экспедиции Франклина, который умер 11 июня 1847 года.

*** Северо-Западным проходом называется морской путь вдоль северных берегов Северной Америки из Атлантического океана в Тихий.

Руаль Амундсен.
1880—1881 г.

прежде чем они добрались до самых первых форпостов цивилизации, им даже пришлось для поддержания жизни съесть собственную кожаную обувь.

Удивительно, что из всего рассказа больше всего приковало мое внимание именно описание этих лишений, испытанных Франклином и его спутниками. Во мне загорелось странное стремление претерпеть когда-нибудь такие же страдания. Быть может, во мне заговорил идеализм молодости, часто увлекающий на путь мученичества, и он-то и заставлял меня видеть в самом себе крестносца в области полярных исследований. Я тоже хотел пострадать за свое дело — не в знойной пустыне на пути к Иерусалиму, а на ледяном Севере, на пути к широкому познанию доселе неведомой великой пустыни.

Так или иначе, но описания путешествий Джона Франклина имели

решающее влияние на мою будущность. Держа это в тайне, так как я никогда не осмелился бы высказать моей матери намерений, которых, я знал, она ни за что бы не одобрила, — я решил сделаться полярным исследователем.

Не ограничиваясь этим решением, я немедленно начал работать над тем, чтобы сделать себя пригодным для такой жизни. Тогда у нас еще не существовало тех спортивных организаций, которые имеются теперь повсюду. Единственные известные нам виды спорта были футбол и лыжи. Хотя игра в футбол меня мало привлекала, я все же стал заниматься этим спортом, чтобы тренировать свое тело и приучить его к выносливости. Лыжный спорт, напротив, мне нравился, и ему я отдался всей душой. В период с ноября по апрель, всякий раз, когда у меня освобождалось время от школьных занятий, я отправлялся в экскурсию на лыжах в Нурмаркен*. Я достигал все больших успехов в этом спорте и одновременно развивал свою мускулатуру.

В те времена дома зимой не особенно хорошо проветривались, и поэтому меня считали чуть не сумасшедшим, так как я непременно желал спать с открытыми окнами, даже в сильные холода. Моя мать серьезно бранила меня за это. Я успокаивал ее заверениями, что люблю свежий воздух. В действительности же я таким образом осуществлял часть проводимой мною тренировки.

Когда мне минуло восемнадцать лет, я сдал выпускные экзамены в гимназии и поступил в университет для изучения медицины. Как все матери, гордящиеся успехами своих детей, моя мать была убеждена, что я являюсь образцом приле-

* Нурмаркен — излюбленное место для состязаний в санном и лыжном спорте, находящееся к северу от Осло.

жания, но если говорить правду, то я был хуже самого среднего студента. Мать скончалась три года спустя, на двадцать первом году моей жизни, и смерть избавила ее от неминуемого открытия, что честолюбие и интересы мои пошли по совершенно иным путям и что для удовлетворения ее честолюбия и достижения избранной ею цели я не сделал ничего. С огромным облегчением покинул я вскоре университет, чтобы всецело предаться осуществлению мечты моей жизни.

Однако предварительно мне пришлось отбыть воинскую повинность. Я шел на это чрезвычайно охотно не только из желания быть верным гражданином, но и по той причине, что военная служба, по моему мнению, должна была принести мне большую пользу в качестве дальнейшей подготовки к моему призванию. К сожалению, у меня был серьезный недостаток, вследствие которого меня могли забраковать, — я был близорук, о чем не подозревали даже мои родственники и друзья. Недостаток этот постепенно уменьшался с годами, но не прошел и до сих пор. Если бы врач обнаружил его, то меня бы не приняли. К счастью, я никогда не носил прописанных мне очков.

Наконец наступил день, когда я предстал перед врачебной комиссией. За столом сидел врач с двумя ассистентами. Как я вскоре, к моему величайшему удивлению и радости, обнаружил, этот врач, уже пожилой, чрезвычайно интересовался строением человеческого тела. Само собой разумеется, что для осмотра мне пришлось раздеться догола. Старый доктор, тщательно исследовав меня, разразился громкими похвалами по поводу моего физического развития. По-видимому, восемь лет моей непрерывной тренировки не остались без результатов. Доктор сказал мне:

— Молодой человек, каким образом удалось вам развить такие мускулы?

Я объяснил ему, что люблю спорт и много в нем упражняюсь. Старый доктор пришел в такое восхищение от своего открытия, которое, очевидно, показалось ему из ряда вон выходящим, что даже вызвал из соседней комнаты группу офицеров, дабы и им дать возможность лицезреть такое чудо. Нечего и говорить, что я отчаянно сконфузился и готов был провалиться сквозь землю от такого обозрения моей персоны.

Однако это обстоятельство послужило мне на пользу. Восхищаясь моим физическим развитием, доктор совсем забыл исследовать мое зрение. В результате я как нельзя легче прошел через осмотр и стал отбывать воинскую повинность.

Так как военная служба занимает всего несколько недель подряд, то у меня вполне хватало времени для продолжения тренировки по избранной мной специальности. Одно событие в это время едва не стоило мне жизни. Оно заставило меня пережить чуть ли не худшие опасности и трудности, чем те, что впоследствии выпали на мою долю в полярных странах. Это событие произошло на двадцать втором году моей жизни при попытке предпринять некое подобие полярной экспедиции. Я выбрал себе спутника и предложил ему совершить экскурсию на лыжах в разгаре зимы через Хардангерское плоскогорье* от небольшой горной

* Хардангер — горная местность, расположенная в нескольких километрах от Осло, с плоскогорьем на высоте около 1800 метров, протянувшимся к западу почти до побережья Атлантического океана, где близ города Бергена, имеется крутой спуск с двумя проходимыми тропинками. В те времена, о которых пишет Амундсен, здесь в летнюю пору пастухи-лопари пасли свои стада, а зимой это место было совершенно безлюдным.

усадьбы Моген на восточной стороне до усадьбы Гарек на западной. Он охотно согласился, и мы покинули Осло во время рождественских праздников. На лыжах мы быстро добрались до Могена. Здесь мы остановились отдохнуть, так как это было последнее жилье на нашем пути. То был крохотный домик из двух комнат, где жили старик крестьянин с женою и двумя женатыми сыновьями, всего шесть человек. В те времена туристы совсем еще не посещали этих мест ни летом, ни зимою, так что наше неожиданное появление и в другое время удивило бы хозяев, а теперь, среди зимы, оно поразило их вдвое. Нам сразу же позволили переночевать. То были гостеприимные люди, они освободили нам место на полу перед печкой, где мы забрались в свои спальные мешки из оленьих шкур и отлично выспались.

На следующее утро шел снег, и днем разыгралась сильнейшая метель. Она длилась восемь дней, и все это время мы провели в усадьбе.

Разумеется, нашим хозяевам было весьма интересно узнать, по каким делам мы сюда явились. Когда же мы сообщили им наше намерение подняться на плоскогорье и пересечь его до Хардангерфиорда, они сначала нам не поверили, а потом стали сильно за нас беспокоиться. Всем трем мужчинам плоскогорье было отлично знакомо, и они предостерегали нас против перехода его в зимнее время. Никто еще не отваживался на подобную попытку, и они считали ее совершенно невыполнимой. Тем не менее, наше решение было твердо принято и мы не поддались их уговорам, так что на девятый день они проводили нас вверх по долине до подножия плоскогорья, чтобы показать нам лучшее место для подъема. Здесь они печально простились с нами.

Мы же, конечно, считали все это пустяками. Нам все казалось так просто. Плоскогорье здесь имеет около 10 миль* в ширину, и, будучи хорошими лыжниками, мы рассчитывали при наступившей вполне сносной погоде покрыть это расстояние самое большее в два дня. Наше снаряжение также соответствовало этим расчетам и было весьма просто. Кроме лыж и лыжных палок каждый из нас нес на спине спальный мешок из оленьих шкур. Палатки у нас не было. У каждого имелась небольшая сумка с съестными припасами и маленькой спиртовкой. Эти сумки были закатаны в спальных мешках. Наши припасы состояли из небольшого количества сухарей, нескольких плиток шоколада и масла — все это можно было растянуть в лучшем случае на восемь дней, при самых скудных порциях. У нас имелись карманный компас и обыкновенная карта местности.

Подъем на плоскогорье не представил никаких трудностей. Хотя, поднявшись, мы не нашли абсолютно ровной поверхности, но для перехода она все же показалась нам достаточно ровной, на местности не было, однако, никаких приметных пунктов, которыми мы могли бы руководствоваться в дороге. Ничего не было видно, кроме бесконечных рядов незначительных возвышенностей, ничем не отличавшихся друг от друга.

Нам пришлось поэтому определять путь по компасу. Целью нашу первого дневного перехода являлась пастушья хижина, расположенная приблизительно в центре плоскогорья. Стемнело рано, но с помощью компаса мы без труда нашли хижину, куда пришли под вечер.

Однако гордость наша по поводу этого достижения была весьма кратковременна. Мы обнаружили, что дверь и окна хижины заколочены, а дымовое

* В норвежской миле 10 километров.

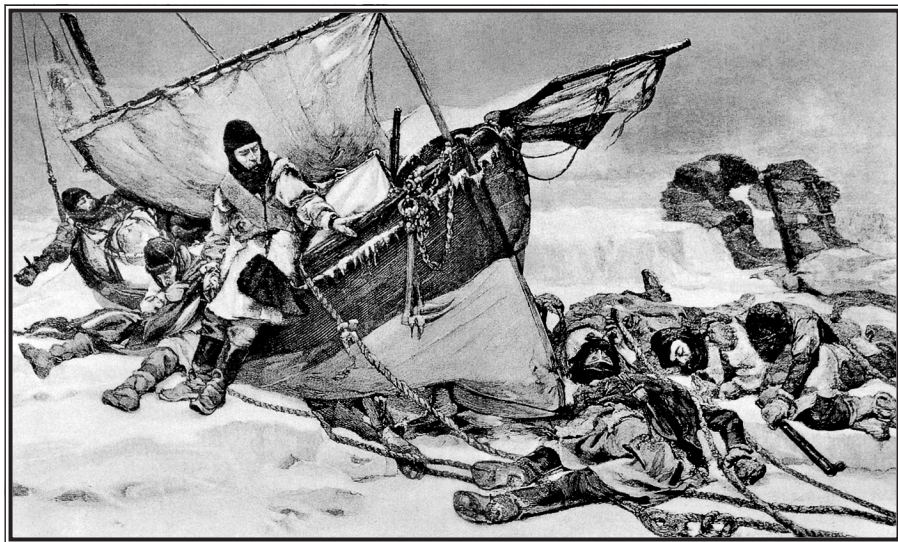

Студийная фотография, воссоздающая переход через плато Хардангер:
Р. Амундсен (в центре) и его друзья: лейтенант Урдал и Вильгельм Хольст.
Декабрь 1893 г.

отверстие заложено тяжелыми досками. Мы сильно устали после длинного перехода, ветер опять поднялся, и термометр показывал 12° ниже нуля. Поэтому нам стоило немалых трудов проникнуть в хижину и потом залезть на крышу для освобождения дымового отверстия, чтобы можно было разжечь огонь. Мы оба жестоко отморозили себе пальцы, и моему спутнику потом в течение многих недель грозила потеря одного пальца. К счастью, в хижине мы нашли сложенные дрова, но прошло немало времени, прежде чем нам удалось извлечь из них пользу для себя. Тот, кому приходилось разжигать огонь в открытом очаге, при температуре значительно ниже нуля, под холодной выстуженной трубой, поймет, как трудно нам было наладить надлежащую тягу. Холодный воздух непроницаемой пеленой висит над огнем, словно ковер, и нужно развести очень сильный огонь, прежде чем тепло начнет циркулировать по трубе. Пока мы старались над этим, маленькая хижина, конечно, наполнилась густым дымом, разъедавшим нам глаза и горло.

Но когда огонь был разведен и мы поужинали, то почувствовали себя прекрасно. В конце концов, забравшись в наши спальные мешки, мы улеглись на нарах у стены напротив очага и отлично заснули.

Однако утром мы убедились, что испытания наши только еще начинались. Ветер, поднявшийся накануне вечером, продолжал дуть по-прежнему и теперь сопровождался густым снегопадом. Метель так бушевала, что продолжать путь было бы сущим безумием. Пришлось нам покориться и ждать окончания снежной бури у нашего очага. Дальнейший осмотр хижины дал удачные результаты — мы нашли небольшой мешок ржаной муки, забытый кем-то из пастухов. Так как нам уже стало ясно, что следует беречь припасы, мы из этой муки сварили себе в железном котле над очагом жидкую похлебку. Мы провели в хижине два дня и все это время питались исключительно этой жидкой мучной кашницей. Разумеется, ее нельзя было назвать ни очень питательной, ни особенно вкусной.

Гибель экспедиции Джона Франклина

На третий день буря немного улеглась, и мы решили продолжать наш путь на Гарен. Теперь необходимо было особенно тщательно определить наш курс, потому что на западной стороне имелось только два удобных для спуска места, находившихся в нескольких милях друг от друга. Надо было остановить на каком-нибудь из них свой окончательный выбор. Сделав это, мы отправились в путь.

Не успели мы отойти на значительное расстояние, как опять повалил снег и потеплело. Чтобы точно держаться выбранного направления, нам приходилось часто вытаскивать карту мокрый снег, падая на тонкую бумагу, скоро превратил ее в кашу. Теперь оставалось только идти по компасу и без карты.

Ночь настигла нас, прежде чем мы успели дойти до цели, и нам, конечно, не оставалось ничего иного, как разбить лагерь тут же на месте, под открытым небом. Эта ночь почти доконала нас. Развернув наши спальные мешки, мы положили сумки с продовольствием у себя в ногах. Там же мы воткнули в снег наши лыжные палки в качестве приметного знака на случай, если бы сумки занесло за ночь снегом. Мы провели очень неприятную ночь. Рыхлый снег таял на наших одеждах, отчего мы промокли насквозь. Когда мы залезли в мешки, от теплоты наших тел влага стала испаряться, вследствие чего мешки отсырели и изнутри. Открытие это было не из приятных, но еще хуже было то, что ночью стало подмораживать. Я проснулся в темноте полузамерзший и почувствовал себя так скверно, что не мог больше заснуть. Наконец я решил встать и для восстановления кровообращения выпить немного спирту из спиртовки в моей сумке. Я вылез из спального мешка и стал бродить в темноте, пока не нащупал свою лыжную палку, после чего принялся искать сумку с продовольствием. К моему ужасу и удивлению, я никак не мог ее найти. С наступлением дня мы оба снова принялись за поиски, но так и не нашли ни одной из сумок. Мне по сей день так и не удалось подыскать сколько-нибудь правдоподобное объяснение этой загадки. Но с фактом спорить не приходилось — обе сумки исчезли бесследно.

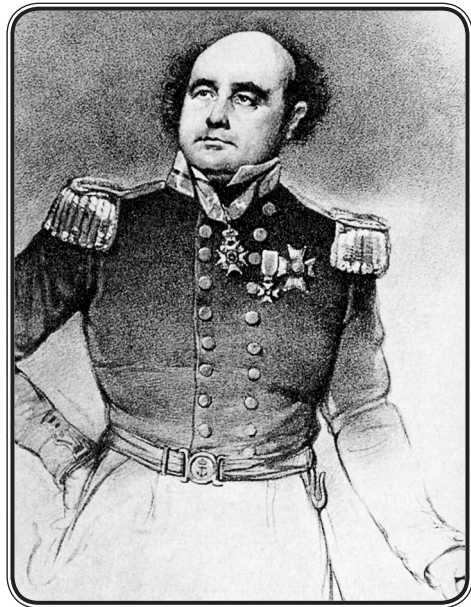
Положение наше из неприятного сделалось чрезвычайно опасным. Необходимо было как можно скорее отыскать какое-нибудь жилье, иначе мы неминуемо

замерзли бы. Перед лицом этой опасности мы опять устремились на запад, надеясь достигнуть края плоскогорья до наступления вечера.

Но нам и тут не посчастливилось. Скоро начался такой густой снегопад, что в нескольких шагах от себя мы уже ничего не видели. Поэтому мы решили, что нам остается только повернуть обратно и попытаться достигнуть исходной точки нашего пути на восточном краю плоскогорья. Но едва мы успели пройти несколько километров в новом направлении, как нас настигла ночь.

Ночь опять была сырая, мы промокли до нитки, а наши спальные мешки еще не просохли. Снег продолжал падать. Мы дошли до небольшого скалистого холмика, возвышавшегося на плоскогорье, и легли с подветренной стороны его, надеясь, что, защищенные от ветра, проведем ночь сравнительно сносно. И действительно, здесь было лучше, но я решил ввести еще одно усовершенствование. Вырыв в снегу пещеру такого размера, чтобы можно было в ней поместиться, я залез в нее головою вперед и втащил туда за собой спальный мешок. Моя идея оказалась удачной, так как здесь я был совершенно защищен от порывов ветра.

Однако ночью температура вдруг упала. Вследствие этого мокрый снег, нанесенный поверх и перед входом моей пещеры, стал смерзаться. Среди ночи я проснулся. Я лежал на спине, прикрыв глаза правой рукой с повернутой наружу ладонью, как обычно спят утром, чтобы не мешал свет. Мышцы у меня затекли от неудобного положения, и я инстинктивно попытался пошевелиться, но не был в состоянии сдвинуться с места хотя бы на дюйм, ибо буквально вмерз в сплошную ледяную глыбу. Я делал отчаянные усилия, стараясь освободиться, но без малейшего успеха, стал звать моего спутника, но он, конечно, не мог меня услышать.

Джон Франклин
(1786—1847)

Английский мореплаватель, знаменитый исследователь Арктики, контр-адмирал Джон Франклин впервые принял участие в высокоширотной экспедиции в 1818 г. в качестве командира судна «Трент». Уже в следующем, 1819 г. он становится главой экспедиции от Гудзонова залива до залива Коронейшен (в Канаде), а в 1825—1827 гг. осуществляет переход на парусных шлюпках до устья реки Макензи. В 1845 г. экспедиция под командованием Дж. Франклина на кораблях «Террор» и «Эребус» отправилась на поиски Северо-Западного прохода из Атлантического в Тихий океан и исчезла. Судьбы ее долгое время оставалась неизвестной, хотя поисками в разное время занимались многие исследователи; часть поисковых партий были снаряжены на средства леди Джейн Франклин, потратившей на поиски мужа все свое состояние.

Только в 1857—1859 гг. экспедиция Фрэнсиса Мак-Клинтока обнаружила вещи участников экспедиции и останки некоторых из них. Нашлись и записи, из которых стало известно, что «Террор» и «Эребус» сковало льдами, которые так и не растаяли, провизия оказалась негодной... Франклин пережил две зимовки во льдах и скончался 11 июня 1847 г. в ходе третьей, как и все остальные участники экспедиции, предпринимавшие отчаянные попытки спастись, но погибшие от голода, холода и болезней.

Я почти оцепенел от ужаса. В своем испуге я, разумеется, подумал, что он тоже вмерз в этот мокрый снег и очутился в таком же положении, как я. Если не наступит быстрая оттепель, мы оба скоро замерзнем в наших страшных ледяных гробах.

Скоро я перестал кричать, так как мне сделалось трудно дышать. Я понял, что мне нужно сохранять спокойствие, иначе мне грозит опасность задохнуться. Не знаю — от скудного ли запаса воздуха, или по какой-либо другой причине, но я очень скоро заснул или потерял сознание. Очнувшись, я услышал далекие, слабые звуки. Значит, спутник мой не был в плену. Единственной причиной, почему он накануне не зарылся в снег, как я, был, вероятно, полный упадок сил, вызвавший у него равнодушие ко всему.

Так или иначе, но это обстоятельство спасло нам обоим жизнь. Проснувшись один в снежной пустыне и не получая ответа на зов, он начал лихорадочно искать какие-либо следы, указывающие на мое местопребывание. Следы были ничтожные, но, к счастью, они попались ему на глаза — несколько волосков оленьего меха моего спального мешка виднелись на снегу. Он немедленно принялся отрывать меня при помощи лыжных палок и собственных рук, чтобы высвободить меня из моей тюрьмы. На это он потратил три часа.

Мы оба изрядно ослабели. Было еще темно, когда мой спутник откопал меня, но мы слишком переволновались и не в состоянии были снова заснуть. Небо прояснело настолько, что можно было идти, ориентируясь по звездам. Мы шли уже в течение двух часов, когда спутник мой, державшийся впереди, внезапно исчез. Я каким-то инстинктом понял, что он свалился с обрыва, и тот же инстинкт помог мне спастись самому: я бросился плашмя на снег. В следующий миг я услышал его голос: «Не двигайся с места! Я упал с обрыва». Он упал с высоты около 30-ти футов, но, к счастью, на спину, так что спальный мешок смягчил удар при падении. Он отделался одним испугом. Разумеется, мы больше не пытались продолжать наш путь, пока не рассвело. Тогда мы снова пустились в наши, по-видимому, безнадежные странствования.

Мы уже четыре дня ничего не ели, а жидкий мучной суп двух первых дней не очень-то способствовал нашему питанию. Мы почти выбились из сил. Единственное, что еще спасало нас от гибели, было изобилие питьевой воды. На плоскогорье имелись бесчисленные, соединявшиеся между собою ручейками, мелкие озера, и мы старались как можно больше наполнять свои желудки водой — это ослабляло муки голода.

К вечеру мы набрали на небольшой шалаш, наполненный сеном. Вокруг него тянулись лыжные следы. Это открытие придало нам новые силы, так как указывало на близость жилья. У нас появилась надежда, что если мы будем в состоянии выдержать еще день, то достигнем какого-либо жилища. Мы прекрасно отдохнули на сене. Глубоко зарывшись в него, мы проспали всю ночь. На следующее утро я вышел осмотреть окрестности. Спутник мой до того устал и обессилен, что не мог двинуться с места, и я оставил его лежать на сене, а сам пошел по лыжным следам. Прошагав около часу, я увидел вдалеке человека. По моим соображениям, это, вероятно, был крестьянин, вышедший на утренний обход, чтобы осмотреть силки, расставленные им для куропаток. Я громко позвал его. Он испуганно оглянулся и, к великому моему огорчению, принялся удирать от меня со всех ног. Эти одинокие крестьяне в горах весьма суеверны. Отважные перед лицом настоящей опасности, они пугаются созданий собственного воображения. Несомненно,

Острова фьорда Христианиа

этот крестьянин в первую минуту принял меня за привидение, блуждающее на пустынном плоскогорье.

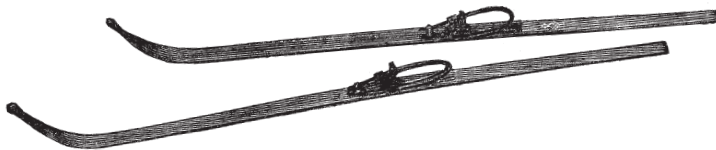
Я позвал еще раз и вложил всю душу в этот крик. Очевидно, крик хорошо выразил мое отчаяние, так как человек остановился и, помедлив немного, пошел ко мне навстречу. Я разъяснил ему наше отчаянное положение и спросил, где мы. Мне было трудно сразу понять его ответ, и, даже разобрав его, я не мог поверить своим ушам, так как оказалось, что мы находимся в каком-нибудь часе ходьбы от того крестьянского домика в Могене, откуда мы восемь дней тому назад отправились в нашу неудачную экскурсию.

Ободренный этим известием, я поспешил назад к товарищу. Оно также придало ему новые силы, и вскоре мы без особых трудностей спустились в долинку к знакомому домику. Мы постучались в дверь, и нас попросили войти. Я был удивлен оказанным приемом, пока не увидел себя в зеркале. В единственной комнатке женщины пряли, а мужчины занимались резьбой по дереву. Они приветливо посмотрели на нас, но поздоровались коротко, как с чужими, видимо ожидая от нас разъяснений. Ясно было, что они нас не узнали. В этом, как впоследствии обнаружилось, не было ничего удивительного, так как мы густо обросли бородами, глаза у нас глубоко ввалились и щеки втянулись. Вид у нас действительно был ужасный. Сначала хозяева не хотели верить, что мы те самые молодые люди, которые покинули их восемь дней тому назад. Ничто не напоминало им прежних гостей в этих двух страшных, тощих привидениях. В конце концов нам удалось убедить их, и тогда они проявили в отношении нас самую большую дружбу. Мы провели у них несколько дней и, восстановив свои силы, простились с ними с изъявлениями живейшей благодарности, после чего благополучно вернулись в Осло.

Окончание этой истории я узнал лишь год спустя. Мне рассказали, что крестьянин, владевший усадьбой Гарен, расположенной на западной стороне плоскогорья, как раз в том месте, куда мы направлялись, выйдя однажды утром из дому, обнаружил всего в нескольких метрах от своих дверей лыжные следы, шедшие с востока. Он не верил своим глазам, зная, что еще никто никогда не проходил зимой этой дорогой, и вообще это считалось невозможным. Эти следы могли быть только нашими, так как и числа как раз совпадали.

Подумайте! Сами того не подозревая, мы находились в нескольких метрах от нашей цели и пустились в обратный путь через плоскогорье, когда в каких-нибудь десяти минутах ходьбы могли найти надежное убежище на западной его стороне!

Как я уже говорил в начале моего рассказа, это приключение было преисполнено чуть ли не худшими опасностями и испытаниями, какие я когда-либо переживал в полярных странах. Оно послужило основательной тренировкой для будущего полярного исследователя. Тренировка оказалась суровее, чем самая работа, к которой она служила подготовкой, и чуть не положила конец моей жизненной карьере раньше, чем последняя успела начаться.

Глава II

В ПЛАВУЧИЕ ЛЬДЫ ЮЖНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Отбыв воинскую повинность, я немедленно предпринял дальнейшие шаги подготовки к специальности полярного исследователя.

К этому времени я уже успел прочитать по этому предмету все книги, какие только мог раздобыть, причем меня поразила одна слабая сторона, общая большинству прежних полярных экспедиций. А именно: их начальники не всегда были судоводителями, вследствие чего в отношении навигации им почти всегда приходилось передавать управление судном в руки более опытных мореплавателей. При этом неминуемо оказывалось, что тотчас по выходе в море у экспедиции появлялось два начальника вместо одного. Это, безусловно, всегда вело к разделению ответственности между начальником экспедиции и капитаном, откуда беспрестанно возникали трения и разногласия, а следствием этого являлось ослабление дисциплины среди подчиненных участников экспедиции. Возникали две партии: одна состояла из начальника экспедиции и научных сотрудников, а вторая из капитана и судового экипажа. Поэтому я заранее решил никогда не становиться во главе экспедиции, прежде чем не буду в состоянии избежать этой ошибки. Все мои стремления были направлены к тому, чтобы самому приобрести необходимые знания и опыт в управлении судном и выдержать экзамен на капитана. Тогда я смог бы руководить моими экспедициями не только в качестве исследователя, но и в качестве судоводителя, и таким образом избежал бы этого разделения.

Чтобы получить право держать экзамен на звание капитана, мне необходимо было в течение нескольких лет проплыть на судах в качестве матроса под началом опытного капитана. Поэтому я каждое лето 1894—1896 годов нанимался в судовую команду на парусную шхуну. Это дало мне возможность не только дослужиться до должности штурмана и подготовиться к экзамену на капитана, но также побывать в моей излюбленной Арктике и накопить опыт, который как нельзя лучше пригодился для избранной мною карьеры.

В 1897 году мне удалось попасть в число экипажа Бельгийской антарктической экспедиции, имевшей целью исследование района магнитного полюса. Хотя мне было только двадцать пять лет, меня назначили первым штурманом еще до того, как «Бельжика» покинула Европу. Экспедиция являлась ярко вы-

раженным международным предприятием. Начальник был бельгийский моряк, капитан — бельгийский артиллерийский офицер, служивший во французском флоте и сделавшийся первоклассным мореплавателем. Первым штурманом был я. Прославившийся впоследствии полярный исследователь американец доктор Кук был нашим судовым врачом, из научных сотрудников — один русский, другой поляк, пять человек команды были норвежцы, остальные бельгийцы.

Южный магнитный полюс расположен на антарктическом материке, гораздо южнее Австралии, в Южном Ледовитом океане. Тем не менее согласно плану начальника экспедиции путь наш лежал не мимо Австралии, а мимо мыса Горн*. Зимой 1897 года мы достигли Магелланова пролива**, когда в этих широтах стоит разгар лета. Отсюда мы пошли к югу до Огненной Земли. В те времена эти края были мало известны науке, и наш начальник так сильно увлекся возможностью новых открытий, что мы провели там несколько недель, собирая коллекции различных образцов по естествознанию, нанося на карты побережье и производя метеорологические наблюдения. Это промедление, как мы вскоре убедились, не осталось без серьезных последствий.

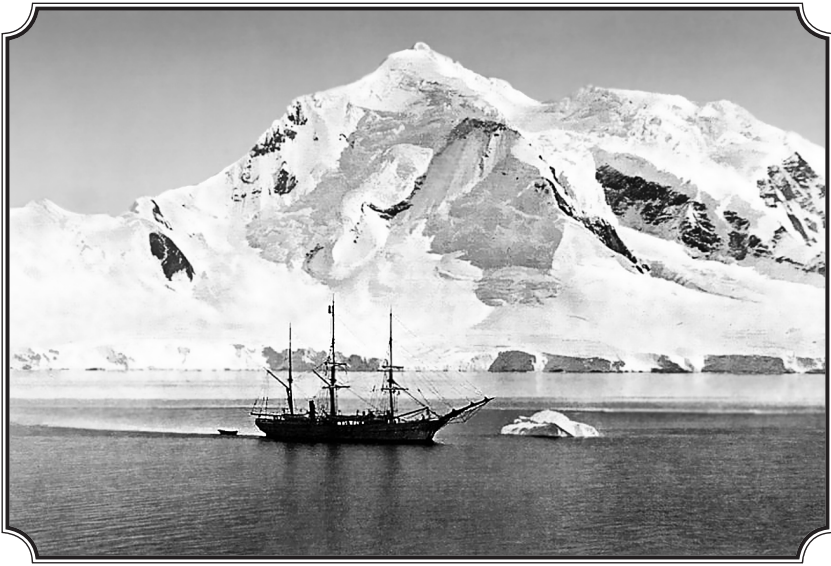
Продолжая путь на юг, мы миновали Южно-Шетландские*** острова и очутились в виду антарктического материка, который здесь носит название Земли Грейама. Эта местность также далеко не вся была нанесена на карту, и мы опять провели некоторое время у этих берегов, после чего вышли наконец через пролив в Южный Ледовитый океан.

Между тем надвигалась зима, а мы еще находились в значительном отдалении от нашей цели, расположенной к югу от Австралии. Поэтому мы взяли курс на запад, и тут нам пришлось испытать приключение, чуть не стоившее всем жизни. Однажды в страшную бурю, сопровождаемую градом и снегом, я вышел на мостик, чтобы сменить капитана на послеобеденной вахте. Со всех сторон надвигались айсберги. Капитан указал мне на один из них, недалеко к северу от нас, и разъяснил, что он в продолжение всей своей вахты старался так маневрировать, чтобы держаться с подветренной стороны этого айсберга, так как последний защищал от злейших напоров ветра, не давая нам, таким образом, отклоняться от нашего курса. Он приказал мне так же маневрировать и во время моей вахты и передать это его приказание в свою очередь следующему вахтенному. Я так и сделал и передал те же инструкции молодому бельгийцу, сменившему меня для ночной вахты. Улегшись на свою койку, я чувствовал, как корабль качало на волнах, однако то не были уже могучие волны Ледовитого океана, качка смягчалась зыбью, доходившей до нас от айсберга. Легкая качка усыпила меня. Но когда я наутро проснулся, корабль, к моему удивлению, был совершенно неподвижен. В уверенности, что случилось нечто необыкновенное, я быстро накинул платье и поспешил на мостик. Там я увидел, что мы стоим в бассейне, заключенном в сплошном круге чрезвычайно высоких айсбергов. Я спросил молодого бельгийца, как мы здесь очутились. Он ответил, что знает об этом не больше моего. В ночной темноте, под напором разбушевавшегося снежного

* Мыс Горн — южная оконечность Америки.

** Магелланов пролив отделяет Южную Америку от острова Огненная Земля.

*** Южно-Шетландские острова расположены к юго-востоку от южной оконечности Америки.

Корабль «Бельжика» у берегов Антарктиды

Бельгийский полярный исследователь Адриен Виктор Жозеф де Жерлаш де Гомери (1866—1934) более всего известен как руководитель Антарктической экспедиции 1897—1899 гг. на судне «Бельжика».

Отплыв из Антверпена, «Бельжика», пройдя Магелланов пролив длинным путем, в январе 1898 г. достигла побережья Земли Грэма и открыла пролив между этим островом Южных Шетлендских островов и архипелагом Палмера.

15 февраля 1898 г. экспедиция Жерлаша пересекла Южный полярный круг. Добравшись до моря Беллинсгаузена в марте 1898 г., «Бельжика» вмерзла в паковые льды, и, дрейфуя южнее острова Петра I, провела в ледяном плену 13 месяцев, совершив таким образом первую в истории зимовку

в Антарктике. Поскольку зимовка была незапланированной, в жилых помещениях «Бельжики» держалась температура ниже точки замерзания воды, а осветительного керосина было так мало, что людям приходилось сидеть впотьмах. Но главной проблемой стала цинга, а категорический отказ руководителя экспедиции ввести в рацион мясо тюленей и пингвинов, едва не привел к трагедии. Положение спасли Амундсен и Кук, которые сумели заставить экипаж перейти на мясную диету. Удалось им провести и ряд экспериментов, изучив практическую пригодность спальных мешков конструкции Пири, Аструпа и Нансена. 14 марта 1899 г. «Бельжика» вырвалась из ледяного плена и вернулась в Антверпен 5 ноября 1899 г.

шторма, он потерял из виду айсберг; корабль несколько времени носился по воле ветра, а потом могучая океанская волна подняла его, перебросила в просвет между двумя айсбергами и опустила в защищенный бассейн, где мы теперь находились.

Только чудесное стечение обстоятельств спасло нас от опасности быть раздавленными на мельчайшие части между айсбергами, образовавшими тесный проход, в который мы влетели на гребне волны. Но опасность очутиться заключенными в плену сплошного круга айсбергов была не менее велика. К счастью, нам удалось ловким маневрированием выйти из этих тисков.

Не успели мы, однако, далеко отойти, как только что избегнутая нами опасность снова надвинулась на нас в еще более грозной форме — и на этот раз не по

**«Бельжика» во время
Арктической экспедиции
1909 г.**

*Первый раз Амундсен
побывал в Антарктиде
в составе Бельгийской
Антарктической экспедиции
на судне «Бельжика»
в 1897—1899 гг., в качестве
штурмана. Эта экспедиция
стала для будущего
исследователя серьезным
испытанием и хорошей
школой...*

Р. Амундсен.
Фотография до 1900 г.